

— Разве не говорится, что весенние** ночи не слишком коротки?

— Слишком длинная бурная ночь всё равно тяжела.

— Зубная щётка, что ты сделал... Мне тоже нужна такая.

Фань Сянь удивился — он никак не ожидал, что она попросит его об этом. Криво улыбнувшись, он ответил:

— Насколько мне известно, они продаются на улице Сюшуйцзе.

Хайтан слегка улыбнулась:

— Не такие хорошие, как у тебя.

— Спасибо за высокую оценку.

— Не ожидала, что юноша из влиятельной семьи вдруг захочет возиться с подобными вещами.

Хайтан посмотрела на Фань Сяня, словно желая пересмотреть своё представление об этом человеке.

Фань Сянь медленно закрыл глаза:

— Очевидно, что ты всё ещё слишком плохо меня знаешь.

Хайтан немного помолчала, а потом сказала:

— Но я знаю, что после именин вдовствующей императрицы ты вернёшься на родину. Как же тогда то, что ты мне обещал?

Фань Сяню было лень даже приоткрыть глаза.

— Дай мне как следует выспаться, тогда я сам приду к тебе поговорить.

Хайтан нахмурилась.

— Так даже лучше.

Фань Сянь вдруг распахнул глаза и сказал:

— У меня сегодня настроение плохое, поэтому мне не хочется болтать.

— Пока. — Впервые увидев такое равнодушие на лице Фань Сяня, Хайтан никак не прореагировала, а лишь решительно попрощалась и вышла из комнаты.

Лёжа на большой кровати, Фань Сянь явно сильно хотел спать, но не мог заснуть. Хотя на его лице отражалось спокойствие, в голове царил хаос. За такое короткое время он не мог отойти от всего, что он узнал, и того, что произошло ночью. Он не сводил ясных глаз с украшенного вышивкой полога кровати, словно хотел насквозь пронзить взором крышу и все девять небес плотных облаков, чтобы разглядеть самые далёкие небеса.

Раз Фань Сянь обнаружился в посольстве, то сторона Северной Ци, конечно, стала размышлять, кто же тогда пытался спасти Сяо Эня у обрыва на горе Яньшань. Этот вопрос напрашивался сам собой.

Лан Тао, даос Хэ и Шэнь Чжун сидели на своих стульях и морщили лбы. Конечно, самый высокий пост среди них занимал Шэнь Чжун, но Лан Тао был старшим учеником Ку Хэ, а ещё обучал молодого императора боевым искусствам, поэтому его статус был самым высоким, ну а даос Хэ просто сидел молча.

Вчера днём они вдвоём вынудили Фань Сяня и Сяо Эня спрыгнуть с обрыва. Стражи в парчовых одеждах тайно проводили поисковую операцию за пределами города, но прошёл день и ночь, а результатов поиски никаких не дали. Сегодня же утром, когда они наконец не выдержали и попросили помощи во дворце, чтобы силой ворваться в посольство, вдруг обнаружилось, что Фань Сянь преспокойно сидит в своей кровати.

— Неужели это был не Фань Сянь? — И без того бледное лицо даоса Хэ стало ещё бледнее. Яд, который попал через рану на бедре, уже был полностью выведен из организма, но пришлось потратить на это немало истинной ци.

Лан Тао прикрыл глаза и сказал:

— Это точно был Фань Сянь, ведь это он мастер использовать яды, иглы и всякие трюки. Кто ещё это может быть, кроме него?

Даос Хэ нахмурился.

— Но тот человек лицом не был похож на Фань Сяня.

Лан Тао открыл глаза.

— Человека можно загримировать.

У Лан Тао был особый статус, поэтому его слова обычным людям не с руки было ставить под сомнения. Но на деле Фань Сянь как ни в чём не бывало оказался в посольстве — если бы он упал со скалы, то разве мог бы настолько хорошо уцелеть? Ну если, конечно, он не небожитель.

Тут Шэнь Чжун невольно начал сомневаться в суждениях Лан Тао, но внешне остался полностью добродушен, прямо как дедушка из богатой семьи.

— Вероятнее всего, это действительно был Фань Сянь, потому что с Шаншань Ху сговорились именно южане. Только кто-то с юга мог знать подробности этого дела, это точно не мог быть мастер из города Восточных варваров.

Видя, что даос Хэ, не спеша соглашаться, покачал головой, Шэнь Чжун рассмеялся:

— Конечно, не исключено, что это кто-то другой.

— Кто ещё это может быть, кроме Фань Сяня? — продолжил настаивать Лан Тао. Ему всегда не нравилось общаться с этим главой спецслужб; если бы в этот раз дело не касалось Сяо Эня, то он и не подумал бы прийти во дворец, чтобы помочь стражам в парчовых одеждах.

Шэнь Чжун глянул на Лан Тао и с улыбкой во весь рот сказал:

— Господин Лан Тао, в Южной Цин много мастеров, что же касается специфических приёмов... тут, я думаю, вы слышали, что рядом с Чэнь Пинпином есть телохранитель Тень, просто его никто никогда не видел и никто не знает его приёмов и стиля в делах. Раз Фань Сянь — преемник главы Контрольной палаты, наверняка его приёмы могли иметь отношение к приёмам Тени... В таком случае мастер, сражавшийся на краю обрыва, необязательно Фань Сянь, а, возможно, тот самый Тень.

Тень — личный телохранитель Чэнь Пинпина, хотя никто его не видел, но, будучи главой спецслужбы, Шэнь Чжун, конечно, знал о его существовании.

— Неважно, кто это был, — вздохнул даос Хэ. — Сейчас самое важное — это удостовериться, умер ли Сяо Энь.

— Сяо Энь умер.

Лан Тао произнёс это очень спокойно. Когда, весь в чёрном, Фань Сянь ворвался в бой, чтобы спасти Сяо Эня, ятаганы Лан Тао уже вонзились в грудь старика, поэтому Лан Тао был полностью уверен, что его ци, вошедшая в тело жертвы с остриями ятаганов, мгновенно лишила Сяо Эня последнего шанса на выживание.

Шэнь Чжун с улыбкой сказал:

— Ну вот и славно. Наставник государя и вдовствующая императрица наверняка будут довольны, я прямо здесь благодарю вас, господа.

Солнце снова спускалось за западной городской стеной столицы — точно так же, как и тысячу лет назад; так же, как и каждый день. В шелестящем поникшими листьями деревьев ветре чувствовался намёк на летнюю жару: он врвался в разные закутки столичных поместий, кружил вокруг людей и рядом с молчаливыми стволами деревьев.

С наступлением ночи ветер медленно стих.

Накинув на плечи лёгкие одежды, Фань Сянь стоял рядом с деревом на заднем дворе посольства и, прищурившись, разглядывал первые появившиеся на небе звёзды. В такую погоду вовсе не требовалось накидывать сверху тонкие одежды, но он слишком перерасходовал силы, поэтому ощущал лёгкий озноб.

Он осторожно сложил письмо, однако на этот раз не стал использовать ладони и внутреннюю силу, чтобы измельчить бумагу в снежные хлопья. А всё потому, что это письмо вовсе не было секретным посланием из Контрольной палаты: сейчас он держал в руках обычное письмо из дома.

Письмо написала Ваньэр, и, хотя новости из дома постоянно доходили до севера, от жены Фань Сянь получил письмо впервые. Похоже, она, ожидая его возвращения дома, немного беспокоилась: её отец, премьер-министр, уже ушёл в отставку, Дабао уже переехал в имение Фаней, Жожо, как и всегда невозмутима (похоже, её не особо встревожили новости о свадьбе), отец Фань Сяня занят на службе — и так всё письмо о том, как поживают члены семьи.

В конце письма не было никаких слов о тоске в разлуке, не было попыток поторопить чьё-то возвращение, были написаны лишь несколько стихотворных строф:

Летом ночь и тепла, и тиха.

Я же маюсь, измаяв всю постель.

Дни пройдут, вновь увижу тебя.

Шёлк волос твоих станет длинней.

Но пока мне в разлуке и час

Так же долог, как полных три дня.

Чтобы праздные* мысли унять,

Займу чтением лучше себя***.

Полных три дня — это вчера, сегодня, завтра.

Фань Сянь слегка улынулся, ощутив через строки письма, что по нему скучают: такие редкие чистые чувства женщины принесли ему небольшое утешение. В последнее время ему приходилось слишком много времени уделять тому, чтобы разбираться с интригами и заговорами, невольно думы об оставленной дома жене отошли на второй план, и когда он вдруг всё же вспоминал о ней, то чувствовал себя немного виноватым.

Он договорился с Хайтан о встрече послезавтра и по неизвестной причине в этот раз немного предвкушал её.

Но предвкушал он не в смысле отношений между мужчиной и женщиной, а в очень простом и чистом смысле. Фань Сяню хотелось найти кого-то, с кем можно было бы поговорить; вернее сказать, после того разговора с Сяо Энем он чувствовал необходимость излить душу, но излить её было некому.

И это странное и необычное ощущение постоянно преследовало его.

С той самой дождливой ночи в столице государства Цин, когда они открыли сундук его матери, Фань Сянь решил, что больше никогда не будет чувствовать себя одиноким в этом мире, потому что здесь повсюду остались следы присутствия этой удивительной женщины. Но в то же время он ясно ощутил, что всё равно одинок, потому что эта женщина уже бесследно исчезла.

«Сяо Энь прав, я действительно бесчувственный человек».

Фань Сянь подумал про себя, что у него совсем нет друзей, покачал головой и отправился в сторону боковой постройки.

В комнате находились лишь трое: Фань Сянь, Янь Бинъюнь и Ван Цинянь, это было последнее

совещание членов Контрольной палаты в столице Северной Ци. Янь Бинъюнь спокойно посмотрел на Фань Сянь и спросил:

— Господин Фань, удалось узнать тайну?

Фань Сянь заранее обдумал, как отвечать на этот вопрос. Он использовал все силы со стороны Контрольной палаты и Синьяна и только тогда смог оказаться в крайне удачных обстоятельствах «на краю гибели», но он занимал пост чиновника государства Цин — естественно, что его окружение срочно желало знать, что за секрет был у Сяо Эня.

Он нахмурился:

— Я слишком поздно вмешался, Сяо Энь уже умер.

В глазах Янь Бинъюня промелькнуло странное выражение, которое сразу же исчезло, и он покачал головой:

— Столько времени всё планировали, а результатов ноль, очень жаль.

Фань Сянь спросил с лёгкой насмешкой:

— Старый калека держал его в тюрьме двадцать лет и то не смог ничего выпытать. Ты думаешь, я бог?

В разговорах с Янь Бинъюнем он нарочно звал Чэнь Пинпина старым калекой. Это был грубый и неуклюжий способ для острастки, но для такого холодного и умного человека, как Янь Бинъюнь, этот грубый способ оказался довольно действенным.

Он повернулся и сказал Ван Циняню:

— Начинай подготовку к отъезду.

Ван Цинянь уважительно ответил:

— Будет сделано. — А чуть погодя нахмурился: — Господин, а что делать с подставной певичкой, что вы использовали вчера?

Фань Сянь понимал — он намекает, что лишнего свидетеля надо бы убрать, но в душе ему это не очень понравилось, поэтому он сказал:

— Конечно, заберём с собой.

Янь Бинъюнь несогласно покачал головой:

— А что, если люди из Северной Ци узнают?

— Что делать, если они узнают? — Фань Сянь, не сводя глаз с лица Янь Бинъюня, ответил язвительно: — Конечно же, ничего не делать. Пусть даже они узнают, что можно с этим сделать? Тебя год держали в плену, смелости сильно поубавилось.

Янь Бинъюнь и Ван Цинянь переглянулись: они заметили, что у Фань Сяня сегодня что-то не то с настроением, поэтому, не сговариваясь, замолкли. Фань Сянь глянул на них, вдруг вздохнул и сказал:

— Неужели вы думаете, что Хайтан ничего не заметила? Просто у неё нет возможности поймать меня.

Вань Цинянь попросил указаний о планировании возвращения на родину. Фань Сянь немного помолчал, а потом медленно ответил:

— Отправимся в путь сразу после именин императрицы, я... немного соскучился по дому.

*праздный — это одно из значений иероглифа Сянь в имени Фань Сянь.

**весенняя (ночь) — в китайском имеет ещё и в значении ночь любви.

***стих, как всегда, помогла перевести Edheldhae

<http://tl.rulate.ru/book/96718/3894521>